

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

НАКАЗ НОВОМУ ГОДУ

— Я всё подготовил, а ты точно доставь — к 10 февраля!

Рис. М. Черемных.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Прошу вниманья!
Тишина!
Налей бокал —
В нём нет вина.
Итак,
Наполнили вином?
Каким?
И вкусу нет
В ином.
Не пью поддельных.
Фальшь — вина
И чувств, и песен,
И вина.

Тебе, приятель, нестерпёж
Отпить хоть несколько глотков...
Но нет, скажи мне, как ты пьёшь... —
И я скажу, кто ты таков.

Здесь много
Всякого добра:
Мускат, и рислинг,
И абрау.
Вот — цинандали,
Вот — шато...
Пожалуй, выпьем,
Но — за что?
Мне мало
Пить
Шато-икем.
Мне надо знать,
За что и с кем.

Тебе, дружище, нестерпёж
Отпить хоть несколько глотков...

Но нет, скажи мне, с кем ты пьёшь, —
И я скажу, кто ты таков.

Я пью не с каждым.
Пью с тобой,
Товарищ,
Посланный судьбой.
Мы были вместе
В дни боёв
(Бокал наполни
До краёв!) —
Мы не расстанемся
В года
Миролюбивого труда.
Дай руку,
Встань во весь свой рост.
Бокал наполнен —
Где ж твой тост?

Тебе, товарищ, нестерпёж
Отпить хоть несколько глотков...
Но нет, скажи, за что ты пьёшь, —
И я скажу, кто ты таков.

Скажи,
Чтоб слышала страна, —
Подхватит здрывицу она:
— За родины нашей
Живительный воздух!
За небо
В кремлёвских рубиновых звёздах!
За русскую землю!..
До капли,
До дна!

Эмиль КРОТКИЙ

Рис. Л. Бродаты

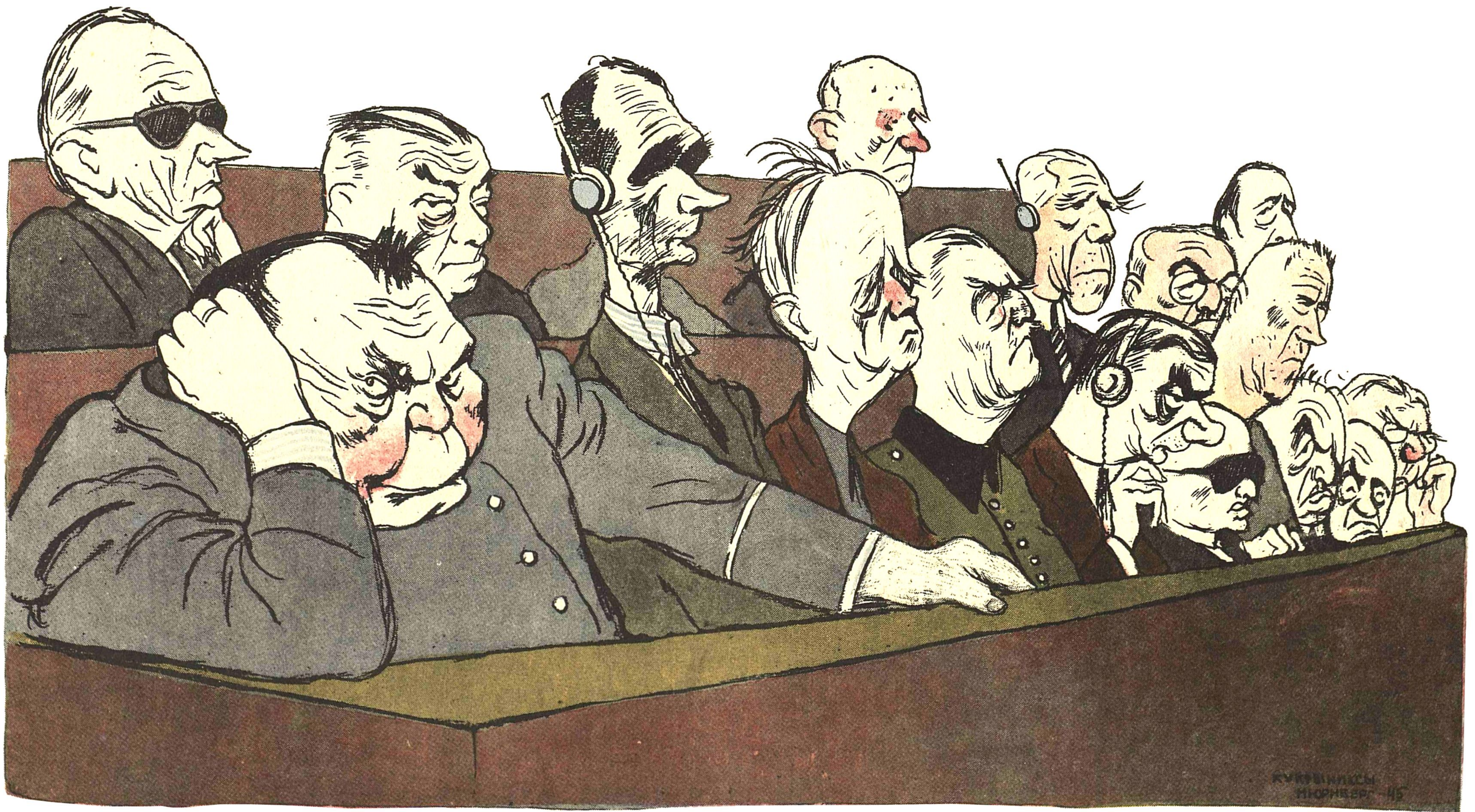
ДЕЛА И ВСТРЕЧИ

— Не приказано принять. Наш директор ещё со старым годом не разделался.

— Что ж ты так опоздал? Я уже два месяца твою программу выполняю.

С ПОСЛЕДНИМ ГОДОМ!

Рис. Кукрышны (специальных корреспондентов «Крокодила» на Нюрнбергском процессе)

На скамье подсудимых в ожидании виселицы сидят: первый ряд— Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт. Второй ряд — Дениц, Редер, Йодль, фон Папен, фон Нейрат, Фриче.

Остальные подсудимые, хотя и не попали на этот рисунок, но тоже сидят на скамье подсудимых в таком же положении.

Незнакомец

В просторной квартире Сафоновых собрались гости. Часы показывали без... Вот тут-то у меня и возник вопрос: что показывали часы?

Я исследовал четырнадцать новогодних рассказов, напечатанных за прошлые годы. Насчёт того, что «гости собрались в просторной квартире», все авторы единодушны. Но по линии часов наблюдается некоторый разнбой.

Восемь авторов написали: «Часы показывали без пяти минут двенадцать».

Четыре автора: «...без четверти двенадцать».

Два автора: «...без десяти минут двенадцать».

Не желая прозябать в меньшинстве, я принял твёрдое решение написать: «Часы показывали без пяти минут двенадцать».

Продолжая свои научные изыскания, я сделал следующее немаловажное открытие: во всех новогодних рассказах действуют исключительно светлые личности. Спрашивается: где же встречаются Новый год отрицательные типы?

Я содрогнулся при мысли, что все конкретные носители зла собираются где-то отдельно от нашего брата и творят чорт знает что. Не лучше ли было бы вводить в рассказы смешанную публику, с тем чтобы положительные герои своим личным примером влияли на отрицательных?

Поэтому в просторную квартиру Сафоновых я как автор пустил среди прочих гостей и несколько таких, которых, признаться, в свой дом не пустил бы.

Пока я этим занимался, стрелки часов продолжали двигаться вперёд. Наконец, как и следовало ожидать, пробило двенадцать. С Новым годом, товарищи!

В этот миг распахнулась дверь и в комнату с бокалом в руке вошёл Незнакомец.

Это был молодой человек, мужественный и красивый. Вот таких чудесных парней и рисуют художники, когда хотят изобразить Новый год.

И правильно делают. Потому что на самом деле Незнакомец оказался Новым годом.

Мужественный и красивый, он поднял бокал и произнёс:

— Буду говорить прозой. Ведь так мало хороших новогодних стихов. Товарищи и граждане! Из природной скромности я не поздравляю вас с наступлением 1946-го. Потому что я и есть Новый год. Но я хочу некоторых присутствующих здесь поздравить с тем, с чем они встретили меня.

Мой первый тост за хозяина и хозяйку дома сего. Они воспитали трёх сыновей — героев Отечественной войны — и хорошую дочку Олю — не краснейте, девушка! — окончившую школу с золотой медалью.

За вас пью, архитектор Савинов. Ваш проект восстановления разрушенного немцами города произвёл на меня сильное впечатление. Желаю успеха, дорогой!

Мне очень хочется чокнуться с вами, уважаемый Кирилл Семёныч. Моим предшественникам, военным годам, вы давали прекрасную продукцию. Я уверен, что и мне, мирному году, ваш завод не откажет в своей помощи.

Пью за вас, Евгения Васильевна, за вашу школу, за ваших учеников, за советскую науку, которая должна помочь мне расти, крепнуть и побеждать!

Друзья! Вас здесь много — хороших, честных, благородных. Если я буду пить за каждого в отдельности, то и спиться нетрудно. А у меня с самого раннего утра очень много работы. Посему поднимая бокал за всех вас и желаю вам того, чего себе желаю.

Он поставил бокал на стол. И вдруг — это все заметили — на лицо его легла тень. Он задумчиво съел кусок ветчины, небрежно проглотил маринованный рыжик.

Затем, оглядев присутствующих, с грустью сказал:

— К моему великому огорчению, я здесь у вас встретился сегодня и с теми, с кем встречаться не желал бы. Они пролезли сюда, и вы даже не подозреваете, что среди ваших знакомых могут быть такие субъекты.

Я не буду называть имена. Я назову лишь их основные профессии.

Сюда затесался ещё не разоблачённый Дурак, чья голова набита трафаретной паклей...

В это время в районе вишнегрета раздался писк. Маленький, сухопарый человечек запищал:

— Безобразие! Я ухожу! Разве можно праздник омрачать такими выступлениями?!

Пискун выскочил из-за стола и скрылся за дверью.

Новый год улыбнулся:

— Вот видите. Я не назвал его по имени. Но Дурак сам откликнулся. Продолжаю без дураков. Но кроме того сюда ещё пробрались такие типы, как...

В это время в углу из-за стола тихонько встали три мрачные фигуры и, стараясь оставаться незамеченными, выскользнули из комнаты.

— Скатертью дорога! — сказал им вслед Новый год. — Это убрался Бюрократ, Хам и Взятчик. Они ушли отсюда в другое место. Но я их найду и там. Вместе с вами, друзья, мы их в конце концов выбросим на свалку. Правильно?

— Правильно! — ответили все хором.

— А сейчас, друзья, будем петь и веселиться. Олечка, я знаю, что у вас по пению — пять. Начинайте!..

Во всех новогодних рассказах веселье обычно длится до утра. В моём рассказе случилось то же самое.

Г. РЫКЛИН

Рис. К. Елсева

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

— А дальше будешь писать ты. И уверен, что впишешь блестящие страницы.

ЕЛКИ ЗЕЛЕННЫЕ

Это была, а не сказка,— имейте в виду...
 Был я гостем на ёлке в детском саду.
 Я пришёл, прочитал два стишка для ребят,
 Посмотрел, как ребята у ёлки шалют.
 Спели песенку мы, и настала пора
 Мне прощаться. Повисла на мне детвора.
 Вдруг я вижу: мальчонка стоит в уголке,
 Трёт глаза кулаком и слеза на щеке.
 Я — к нему:—Кто обидел тебя? Что с тобой?
 Он заплакал, зевнул и промолвил:

— До-о-мо-ой!..

И, прижавшись ко мне, он, сопя, прошептал:
 — Я устал... Я от ёлков от этих устал...

Ёлку сделал домком,
 Сделал мамин местком,
 Сделал тетин группком,
 Сделал братьев отряд,
 Сделал Дом октябрат,
 Семь знакомых ребят,
 Музыкальная школа,
 Райком комсомола,
 Мамин брат дядя Сёма...

И потом у нас ёлка есть дома!

И малыш, безнадежно махнув рукой,
 Замолчал, удручённый нагрузкой такой.
 Я сказал осторожно:— Зачем же ты, друг,
 Попробуй ходить на все ёлки вокруг?
 Ты и маме и всем прямо так и скажи:
 — Я устал, мол, от ёлок,— а сам полежи,
 На коньках покатайся, походи погулять.
 — Ишь, какой! А подарки-то надо мне
 взять!

И, вздохнув тяжело всей ребячьей душой,
 Он взглянул с укоризной:— Хоть ты

и большой

И про ёлки стихи говорить ты мастак,
 А по части подарков — не смыслишь никак!

* * *

Я искренний друг и ребятам и ёлкам,
 Но будем и ёлки устраивать с толком:
 Первое — праздник повсюду устроим, —
 густо — густо, там — пусто бывает подчас!
 Второе — пусть ёлок у нас меньше втрое,
 Но каждая пусть веселей в десять раз!
 Третье — подарок пускай будет ярким,
 Красив, интересен, приятен, толков.
 Пусть будет один хороший подарок
 Вместо десятка бумажных мешков.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЕЛОЧНЫЕ УСТРАШЕНИЯ

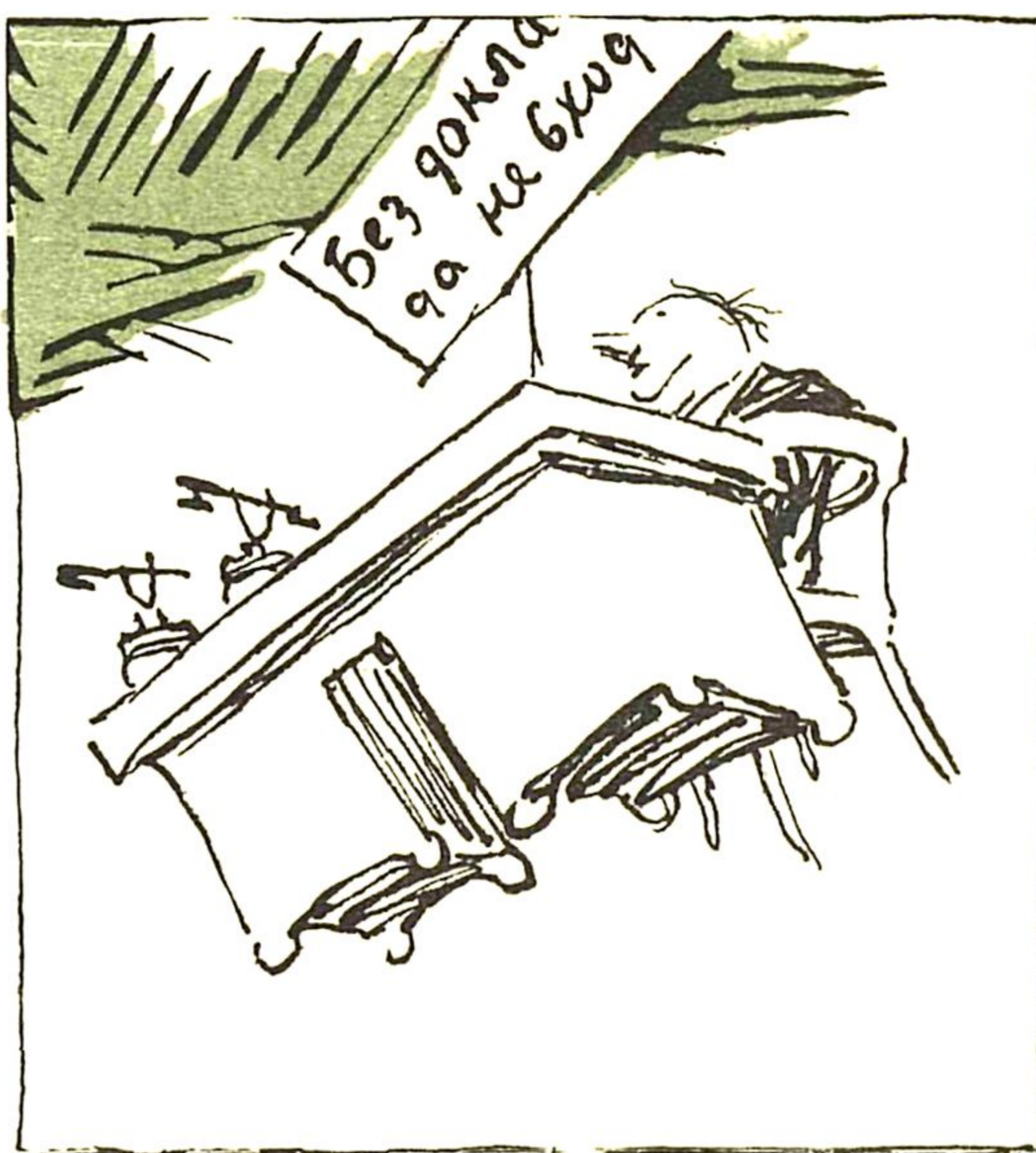
Рис. Л. Соифергиса

Канитель.

Хлопушка.

Шишка.

Дед Мороз.

ШЕВЕЛИ МОЗГАМИ

ШУТКИ БЕРНАРДА ШОУ

РАНИЙ утренний час. В магазине безлюдно. Свежевыбранный, ещё не осатаневший за день продавец ждёт покупателей.

К его прилавку подходит маленький мальчик:

— Дяденька продавец, можно мне вас побеспокоить?

— Чего тебе? — спросил продавец.

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит эта плюшка?

— 6 рублей.

— Значит, за 3 плюшки надо заплатить...

— 18 рублей.

— А почём эти шоколадные батончики?

— 14 рублей.

— Как раз то, что мне нужно. Сколько же платить за 3 батончика?

— 42 рубля.

— И ещё, пожалуйста, 2 мятные конфеты «Озноб».

— 6 рублей.

— Сколько же всего?

— Сию минуту, — продавец пододвинул счёты, и костяшки весело запрыгали из-под его пальцев. — Значит, 3 плюшки — 18 плюс 42 — шоколадные батончики — это 60, плюс 6 рублей «Озноб»; итого — 66 рублей.

— Но нужно сделать ещё 25 процентов скидки, — солидно сказал мальчик.

— Можно и так, — костяшки опять заскакали, — 66, делённое на 4, — это 16 рублей 50 копеек. 16 рублей 50 копеек умножить на три, итого получится 49 рублей 50 копеек.

— Прекрасно, — радостно сказал мальчик, — прекрасно! Значит, если я вам дам 100 рублей, сколько вы мне дадите сдачи?

— Очень просто (щёлк-щёлк): со 100 рублей скинуть 49 рублей 50 копеек (щёлк-щёлк), сдачи вам причитается 51 рубль, 50 копеек.

— Отлично! Отлично! — закричал мальчик. — Теперь, дяденька продавец, напишите мне все эти ваши цифры на бумажку!

— Это зачем же на бумажку?

— А у нас, понимаете, в классе задавали эту задачу, и вы мне её решите на «отлично», да я боюсь ответы забыть. Напишите, пожалуйста!

В. ОСИПОВ

ШОУ ТАНЦУЕТ

Бернард Шоу был приглашён на благотворительный бал. На балу он танцевал с дамой, которая была несказанно счастлива оказанной ей честью.

— Как любезно с вашей стороны танцевать с такой незаметной, незначительной женщиной, как я, — кокетливо сказала она, обращаясь к знаменитому писателю.

— Но, сударыня, на то мы и на благотворительном балу, — ответил Шоу.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Некий молодой артист попросил у Бернарда Шоу рекомендательное письмо. Шоу с готовностью написал: «Самым горячим образом рекомендую вам актёра Н. Он играет Гамлета, Шейлока, Цезаря, на флейте и на бильярде. Последнее у него получается лучше всего».

МЫСЛЬ

Известный американский издатель, увидя Бернарда Шоу, погружённого в глубокое раздумье, бросился к нему.

— Даю доллар, мистер Шоу, чтобы узнать, о чём вы сейчас думаете.

— Ах, право, мои мысли не стоят даже ломаного гроша, — произнёс писатель.

— О чём же вы всё-таки думали?

— О вас, — с любезной улыбкой ответил Шоу.

РАЙ И АД

Один ярый член Армии Спасения пришёл к Бернарду Шоу и целый час распространялся о потусторонней жизни, пытаясь направить писателя на путь истинный.

— Выбор очень труден, — сказал Шоу, когда проповедник кончил свою страстную речь. — Я лично предпочёл бы рай из-за климата, но зато в аду общество интересней.

ПОРЯДОЧНОСТЬ

Какой-то журналист пожаловался Бернарду Шоу на то, как часто в его работе вредила ему прямота и как много он терпит из-за собственной честности.

— Нужно быть порядочным человеком, — сказал Шоу, — но нельзя же беспрестанно на это жаловаться.

Б у р и м э

В НОЧЬ под Новый год, в ожидании, когда стрелки часов вползут на цифру «12», в ожидании того момента, когда можно будет «наполнить, поднять, произнести» и тому подобное, — от нечего делать, мы предложили игру в буримэ. Это старинная французская игра на заданные рифмы. Собрание наше было многолюдным, и каждый из присутствующих написал по восемь строчек на восемь заданных рифм. Рифмы были следующие:

..... волнение
 лет
 стремление
 поэт
 мало
 моя
 бокалы
 друзья

Мы не будем оглашать всего, что было написано нами, так как большинство из нас были обыкновенные советские служащие, отнюдь не служители муз, и многие из буримэ, надо прямо сказать, получились не блестящими. На вечере были и знакомые нам поэты. Они тоже написали по восемь строчек каждый, сохранив особенности своего стиля. Вот что у них получилось:

СТЕПАН ШИПАЧЕВ

О, благодатное волнение
 Снегов, бегов, и зим, и лет,
 И в кроткой краткости

К всему тому, чем жив поэт!
 Вам от меня тепла не мало,
 В стихах тепла стезя моя...
 Как хорошо, что есть бокалы,
 Как хорошо, что есть друзья!

ВЕРА ИНБЕР

Я видела страданье и волнение,
 Я видела тоску военных лет...
 Я к лирике всегда несла
 И потому — я искренний поэт.
 Ах, почему вина сегодня мало!
 Вина, скажу, совсем тут не моя...
 Я видела и бомбы и бокалы,
 Я видела... зенитчиков, друзья!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Бобра забрало редкое волнение:
 На склоне лет

Бобёр к Лисе почувствовал
 стремление,
 Как в годы ранней юности поэт!
 А что Лиса? Лисе и горя мало:
 Бобра скрутила Лисанька моя!..

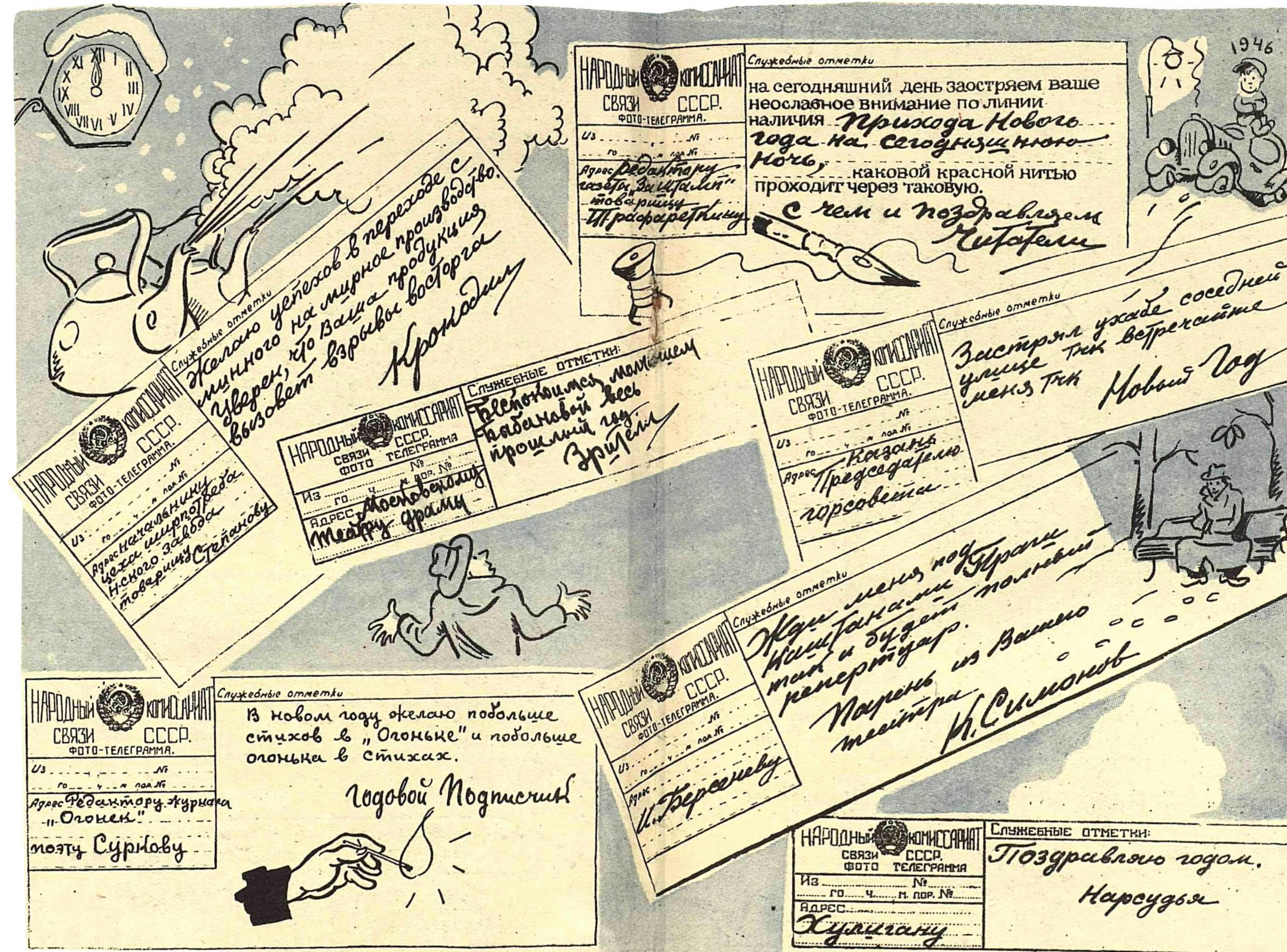
Мораль сей басни: там, где есть
 бокалы, —
 Там и бобры волочатся, друзья!

СЕМЕН КИРСАНОВ

Вина виденье,
 воды волнение,
 валун метафор,
 фанфары лет!

Лнтых латаний,
 волторн стремление —
 в оленьи лямки
 тьяни, поэт!

Новогодние Телеграммы

Мне мая
 мне мало,
 мне моря мало,
 Мне мира мало!

Земля моя!
 Бокалы — бяки!
 Бокам Быки бокалы!
 бокалов — привет,
 друзья!

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ
 Ходит парень, весь — волнение,
 По деревне много лет, —
 Весь — желание, весь —
 стремление,
 Весь — кудрявый, весь — поэт!

Он поёт. И горя мало,
 Что мала изба моя...
 Я до свадьбы все бокалы
 Перекокала, друзья!

А затем на одном из листков мы обнаружили вдруг совершенно незнакомый нам почерк. Стихи были написаны наскоро, словно писавший их торопился, поднимаясь на высокую лестницу:

В груди живёт ещё волнение
 Пройдённых нами грозных лет;
 К победе страстное стремление
 Там нёс и воин и поэт.
 Невзгод изведено не мало,
 Но вновь светла земля моя...
 Поднимем звучные бокалы
 За жизнь, за Родину, друзья!

Это к нашей игре в буримэ присоединился только что вошедший Новый год!
 Иван МОЛЧАНОВ

ОДНАЖДЫ...

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Однажды английский драматург Комберленд, автор многих трагедий, сказал знаменитому Шеридану после премьеры комедии «Школа элословия»:
 — Я видел вчера вашу комедию и ни разу не улыбнулся...
 — Благодарный вы человек! — ответил Шеридан. — Я видел вчера вашу трагедию и хохотал всё время от начала до конца.

САМЫЙ ХРАБРЫЙ

Однажды Суворова спросили, кто, по его мнению, самые смелые и отважные люди в мире.
 — Три человека, — ответил великий полководец, — римский герой Курций, потому что для спасения Рима он бросился в пропасть; князь Яков Долгоруков, потому что он говорил Петру Великому правду; но всех храбрее мой деревенский староста Антон, потому что он один ходит на медведя.

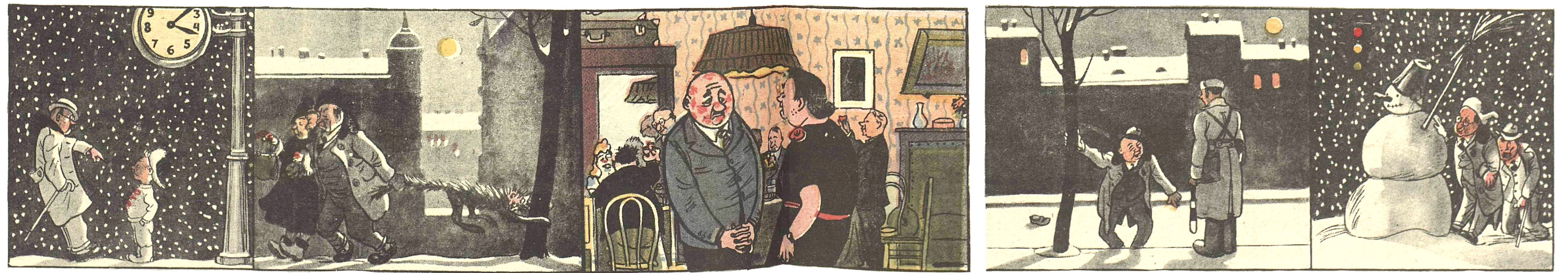
ГАЛАНТНОЕ ПИСЬМО

Однажды французская писательница Жорж Занд получила от одного из своих поклонников письмо со следующей припиской:
 «Извините, мадам, что по причине нестерпимого зноя я пишу Вам, сидя в одной рубашке».

Я САМ ПОСТОЮ!

Однажды магистрат итальянского города Пезаро отправил депутацию к композитору Россини, которая сообщила о решении магистрата поставить на главной площади его бронзовую статую.
 — А во сколько обойдётся вам моя статуя? — спросил композитор.
 — В двадцать тысяч, — ответили депутаты.
 — Можно сэкономить половину этой суммы, — сказал композитор, — я готов время от времени самолично вместо статуй занимать место на пьедестале и всего за десять тысяч лир...

ПОСЛЕ ДВЕНАДЦАТИ

— Где-то я вас сегодня встречал!
 А где, — хоть убейте, не помню!..

— Петя! Ты не забыл мою чернубурку?
 — Нет, дорогая, она у меня в руках.

— Ах, ты опять со всеми дамами на брудершафт
 пил!..

— Товарищ милиционер! Где здесь противоположная
 сторона?
 — На той стороне.
 — А я только что был там, и мне сказали, что здесь.

— Вы последний на троллейбус?

Рис. И. Семёнова

НА АЭРОДРОМЕ ВРЕМЕНИ

— Господа! Предупреждаю: клевету, ложь, интриги и другие взрывчатые вещества брать с собой в самолёт воспрещается.

Отрывки из ненаписанного

К концу года отрывной календарь походил на дерево с опавшими листьями.

Он встречал Новый год по обоим стилям. Это как бы удваивало продолжительность жизни.

Вернуть прошедшие годы нельзя было, но он надеялся наверстать несколько дней на високосных годах.

Их роман был так короток, что правильной было бы называть его новеллой.

Когда вагоножатый ищет новых путей, вагон сходит с рельсов.

Зубы у него уже не росли, хотя он постоянно держал их в стакане с водой.

Ивы бывают только плакучие, — смешливых их не бывает.

Классическое образование: знает знаки зодиака и не знает знаков препинания.

Ценность его автографа может придать только вексельная бумага.

Футбольная терминология:
— Брак со счётом 60 : 20 в его пользу.

Своих предков он не помнил, но хорошо знал родословную своего фокстерьера.

На «бис» умирают только актёры.

Человек, знакомый со всеми играми, кроме игры ума.

Море его не поразило. Оно было, как увеличенная копия с картины Айвазовского.

Низкокачественная продукция: скатерть-саморванка.

Не отставай от времени, но и не очень приставай к нему!

Прямое предложение: «Выходите за меня замуж». Косвенное предложение: «А не скучно вам возвращаться с работы в одинокую комнату?»

«Вечным пером» писал злободневные фельетоны.

Классиков должно не только почитать, но и почитывать.

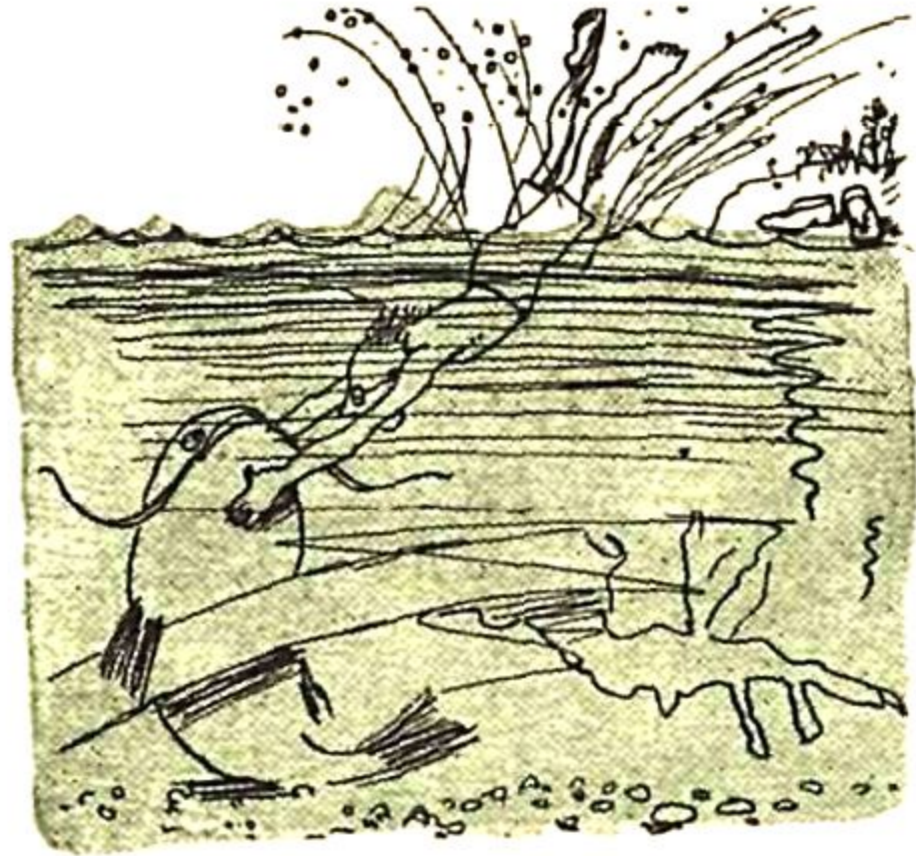
М. ЯКОВЛЕВ

Один другого стоит

— ...Тогда, значит, левую руку, обмотанную тряпьем, я сунул ему в пасть. Неприятно — зубастая, слонявая... И пока он, значит, грыз мою левую, я правой всадил ему кинжал прямо в сердце. Он только икнул и повалился. Я из этого медведя сделал чучело и поставил у себя дома.

Сказавши это, рассказчик скромно умолк. Разговор происходил в физиотерапевтическом отделении санатория. Сквозь большое окно был виден сад, за ним — тёмное, осеннее море.

Час был предвечерний, располагающий к тихой, задушевной беседе и даже подстрекающий

воображение. А тут, кстати, подобрался всё охотники. В ожидании своих процедур они коротали время в рассказах. Начали скромно, а потом фантазия разыгралась. Высокий костлявый мужчина, такой тощий, словно он долго висел на солнце и вялился, выдал необыкновенную историю о поимке дикого кабана, который забежал на свиновхоз и пытался увести домашних свиней в лес.

Едва дождавшись конца этого рассказа, другой отдыхающий, маленький крепыш с блестящей, туго натянутой кожей, похожий на ремень для правки бритвы, не моргнувши, выпалил историю о том, как он, нырнув на дно реки, вытащил оттуда двухпудового сонного сома.

Но всех перекрыл своим рассказом о богатырском единоборстве с матёрым медведем третий рассказчик, круглый толстячок с шишковатым и лукавым лицом завмага.

Был там и четвёртый отдыхающий. Но он всё время молчал. Он только восторженно и умильно кричал. Наружность была у него робкая, простодушная, и весь он бледностью и нечёткостью черт лица походил на недопроявленный любительский снимок.

После рассказа о медведе он пробормотал:

— Это поразительно!
— Вы что ж, не верите? — высокомерно сказал Завмаг.

— Нет, право, я смотрю на вас просто с восхищением и с завистью, — испуганно пропищал Испорченный Снимок.

— Смелость, она, знаете, приобретается путём упражнений, — снисходительно сказал Вобла, скрестив тощие руки на впалой груди, — надо заниматься спортом, охотой. Вы вот охотились когда-нибудь?

— Разочек, собственно, пришлось, — сказал Испорченный Снимок, поправляя очки.

— Небось, на волков? — сказал Бритвенный Ремень, лукаво подмигнув остальным.

— Что вы! — замахал руками Испорченный Снимок. — Смейтесь! Куда мне на волков!.. Я — на тигра.

Все насмешливо переглянулись.
— На тигра? — сказал Завмаг. — Так вы, должно быть, отличный стрелок?

— Я?! — с простосердечным удивлением сказал Испорченный Снимок. — А я и не стрелял в тигра. У меня и ружья не было.

— Чем же, черт возьми, вы убили тигра? — вскричал вспыльчивый Вобла.

— А я и не убивал его, — сказал Испорченный Снимок, робко вытупив глаза на Воблу. — Зачем? Это опасно. Он, знаете, может рассердиться. Я его живьём взял.

— Тигра?! — вскричали все.

— Наверное, он был плюшевый? — язвительно спросил Бритвенный Ремень.

Все засмеялись.
— Нет, — сказал Испорченный Снимок. — Зачем плюшевый? Настоящий тигр. Уссурийский. На Дальнем Востоке. Я был там в командиров

ке от Рыбного треста. Баланс проверял. Я сам по профессии бухгалтер.

— Как же вы его поймали? — сказал Завмаг. — Может, расскажете?

— А ничего особенного. Очень просто. Я бы с удовольствием бросил бухгалтерию и всецело переключился на ловлю тигров. Да вот беда: под Москвой они, проклятые, не водятся. А жаль: занятие это тихое. И очень выгодное.

Вобла даже плюнул с досады.

— Да расскажите, наконец, — прошипел он, — как это было?

— Право не знаю, что в этом интересного, — сказал Испорченный Снимок, застенчиво ёжась. — Если вы настаиваете... Ну, значит, дело такое. Влюбился я там, на Дальнем Востоке, в одну девушку. Человек я робкий, а с женским полом особенно. Но уж очень хороша она была! За ней весь Уссурийский край волочился. Особенно ударял один парень. По профессии зверолов. Хаживал на тигров. У них там такие артели. Работают капканами, сетями. Устарелые; на мой взгляд, методы. Навалятся целым коллективом на тигра и вяжут его. Ну, и тигр, конечно, нет-нет да и задерёт то одного, то другого, хотя, конечно, в зоопарке на всём готовом ему было бы гораздо лучше, чем в болотных камышах, где подчас бывает сыровато.

Ну, да разве тигру это втолкуешь? Деревня! Да... Вот таким, значит, манером мы и ухаживали за девушкой всем Уссурийским краем. Только постепенно все поклонники поволоклись и отвалились. Остались двое: я и этот зверолов. Его находили красивым. Но, на мой вкус, ничего в нём привлекательного не было: отвратительно плечистый, с противным румянцем во всю щёку, с неприлично голубыми глазами. Вот этим он и брал, да ещё своими плясками и пением. Ну-с, а я брал главным образом общей интеллигентностью. Про бинном Ньютона умел словечко к месту ввернуть. Про коррозию металлов мог сообщить некоторые эффектные сведения. Вот так мы и состязались. Он спяшет, а я про атомную энергию объясню. В общем, перевеса никто из нас не мог добиться, и девушка не отдавала явною преимуществу ни мне, ни ему. А в это время случилось забрести в те места одному исключительно нахальному тигру. Здоровенный зверюга! Колхозного скота сколько зарезал! И человеческие жертвы были! А сам оставался неуловим. В город забирался.

Один раз как-то магазин Особторга целиком ограбил. Да, да! С течением времени этому тигру стали приписывать все нераскрытые уголовные дела. Страшный зверь! Соперник мой еле удрал от него, оставив у него в лапах половину правой икры и пару совершенно новых калош.

Я, конечно, не преминул над ним посмеяться в присутствии обожаемого существа. Чуть до драки не дошло у нас со звероловом, и я вошёл в раж и заявил, что если бы я пошёл на тигра, то уж, конечно, ему бы не сдобровать, и даже выразился, что поймать тигра для советского интеллигента — дело плёвое. И что же вы думаете? Обожаемое существо тут же заявило, что тот, кто её действительно любит, тот пойдёт на этого тигра и уничтожит его.

С тем и разошлись. Оцениваете положение? Отступать некуда, дело, так сказать, чести. И я решил в ту же ночь поймать тигра. Немедленно я приступил к этому делу. Первым делом отправился я... Однако, товарищ, — вдруг обратился он к Вобле, — вас зовут циркулярный душ принимать.

— Душ? А ну его! Потом приму. Рассказывайте дальше.

— Ну, что ж... Соперник пошёл, значит, готовить капканы и прочие устарелые орудия производства. А я, не теряя времени, отправился на рынок и приобрёл аппетитную тушу ба-

лана. Вслед за этим я пошёл в аптеку и купил полкило люминала, полкило веронала и полкило бромурала. Всеми этими снотворными я нашпиговал барана и отвёз его на место тигриного водопоя. А сам вернулся домой, потому что мне ещё хотелось поработать над квартальным балансом. Утром приезжаю на водопой — восхитительное зрелище! От барана остались одни косточки, а рядом развалился тигр, огромный, как кровать, полосатый, как матрац, и спит таким глубоким сном, какого не знал ни один ночной сторож. Ну, я, конечно, сейчас же связал тигру лапы, завязал ему пасть...

Бритвенный Ремень даже вскочил от возмущения:

— Завязали?!
— Завязал-с.

— А вдруг проснулся бы?

— Он действительно несколько раз шевельнулся. Но я его стукнул по голове годовой отчётностью, и он опять захрапел. А и здоров же спать был, подлец! Ну-с, втащил я его на тележку и покатыл.

— На тележку? — плачущим от негодования голосом проговорил Завмаг. — А может, вы его в авоську сунули? И не боялись, говорите?

— А что ж страшного? — удивился Испорченный Снимок, весь сияя простодушием.

— Ну всё-таки за спиной, как-никак, тигр, а не освобождённый член месткома!

— Так он же спал!
— Всю дорогу?

— Несколько раз, правда, пытался проснуться. Но я опять долбал его по черепу годовой отчётностью, и он снова заводил храповицкого. Нет, этот тигр бессоницей не страдал. Ну, привёз я его, значит, втащил за хвост к обожаемому существу...

— За хвост! — простонал Бритвенный Ремень. — Нет, вы слышите: за хвост! Ах, оставьте меня с вашим влажным укутыванием! — отмахнулся он от сестры. — Завтра укутаюсь.

— За хвост, — кротко повторил Испорченный Снимок. — Ну, понятно, тут триумф, поздравления, соперник посрамлён. Вот и всё.

И, застенчиво улыбувшись, он замолчал.

— Позвольте, а девушка? — вскричал Завмаг.

— Что девушка?
— Вы женились на ней?

— Нет...
— Почему?

— Страшно, знаете, стало, — сказал Испорченный Снимок, испуганно округлив глаза. — Как представил себе, что мне с ней придётся остаться наедине... Такой страх напал... Взял чемодан и, не прощаясь, укатил в Москву...

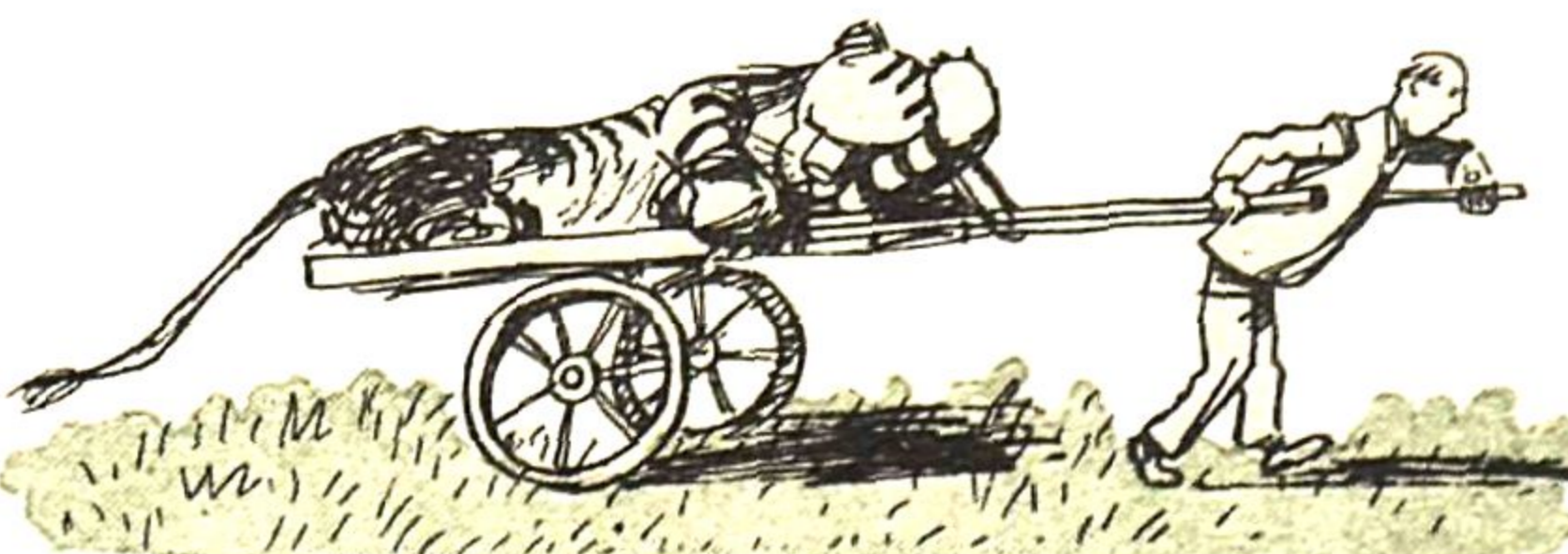
— Значит, вы больше её не видели?

— Как не видел? Очень даже видел. Обожаемое существо приехало в Москву. И не одно. Оно привезло тигра. Однако я извиняюсь, граждане, мне на процедуру.

— Подождите! — закричал Завмаг, схватив его за хлястик пижамы. — А с тигром что стало?

— А я из него чучело сделал, — сказал Испорченный Снимок, — и с удовольствием помещаю его на чучело вашего медведя. Один другой стоит, не правда ли?

И, учтиво поклонившись, он юркнул в кабинет, озарившись на секунду фантастическим светом кварцевых ламп.

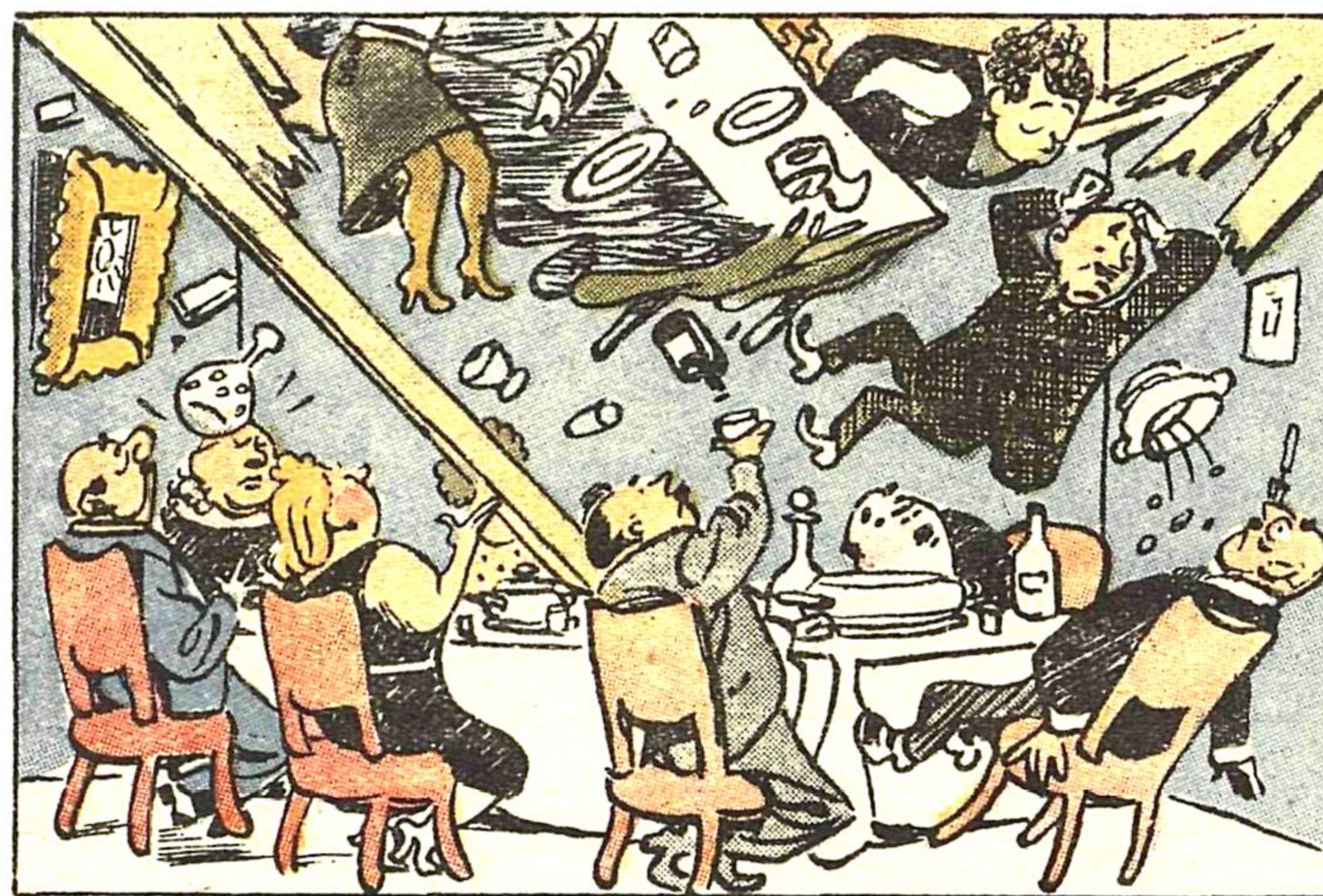
Иллюстрации А. Каневского Л. СЛАВИН

Я ЖЕЛАЮ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ:

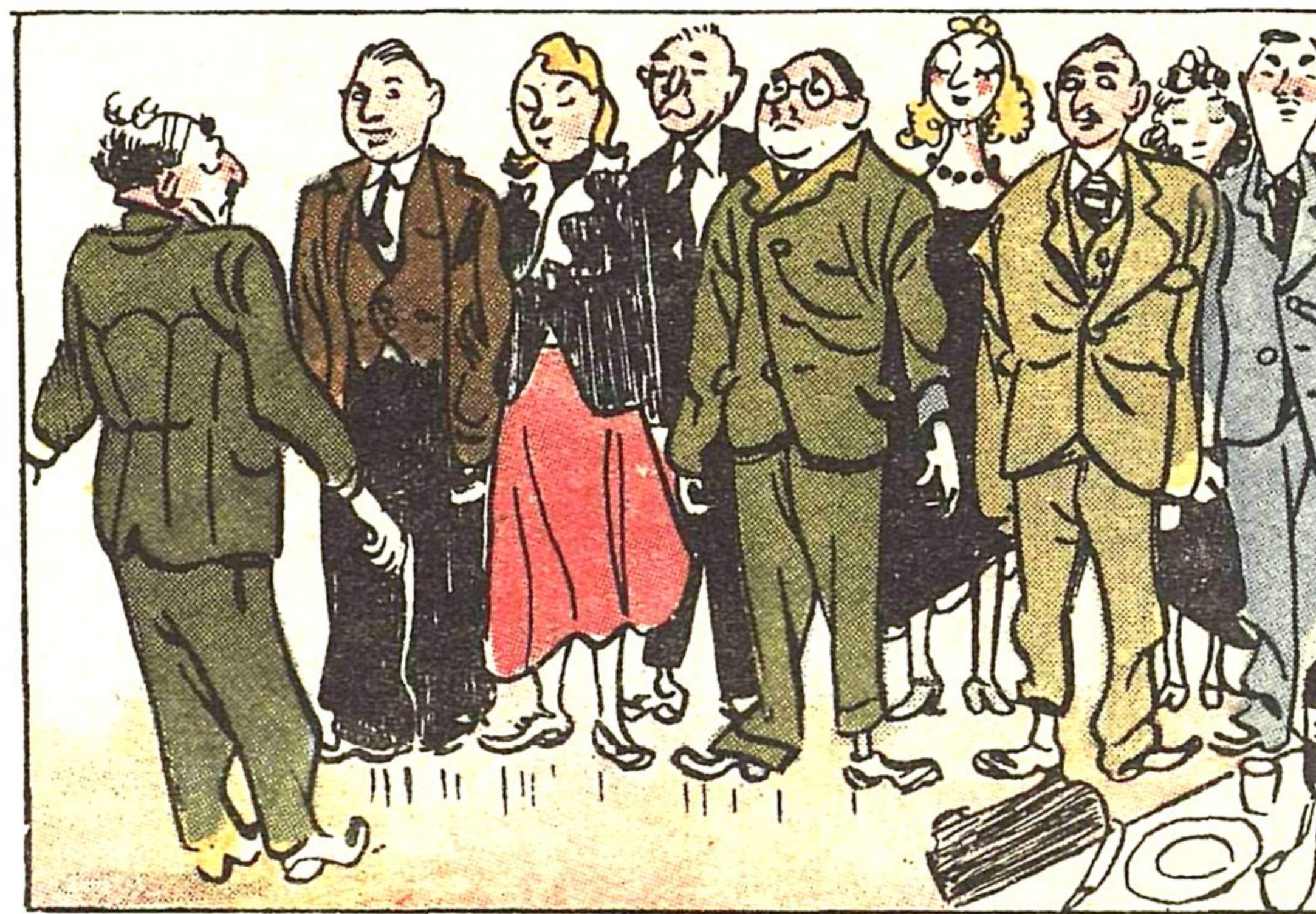
Не встречать Новый год в квартире, обставленной мебелью с фабрики, где директором товарищ Плохостулов.

Не встречать Новый год в доме, построенном стройконторой «На живую нитку».

Не ехать на встречу Нового года в машине из гаража, где начальником товарищ Нисместов.

Не встречать Новый год в компании гостей, одетых в костюмы ателье мод «Косошвей».

Рис. Ю. Ганфа

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

ЭПИГРАММЫ

1
Нет, у него не лживый взгляд!
Его глаза не лгут,
Они правдиво говорят,
Что их владелец плут.

2
У него — герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом наднях.
Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный — слышал я —
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой.
Могилы не тревожит:
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЭДИНБУРГСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Мы с грустью говорим «аминь»
Над тем, кого хороним ныне.
Пускай простит его латынь —
Грешил он только по-латыни!

С. МАРШАК

ЧЕЛОВЕКУ НЕКОГДА

Д ВЕРЬ с треском и грохотом захлопнулась. Несколько посетителей этого уютного кафе в испуге подняли головы. Вошедший быстро и нервно бросил швейцару кепку и торопливо прошёл к столику, одиноко стоящему в центре зала.

Не успев ещё как следует усесться, он начал лихорадочно перелистывать красивую книжечку меню. Потом, раздражённо взглянув на висящие за окном городские часы, он схватил ножик и неистово забарабанил по пепельнице. Старый, ловкий официант мгновенно вырос перед ним:

— Чего изволите?

— Рюмку водки и пирожок, — чётко сказал он, — только скорее, пожалуйста, мне некогда. Я должен успеть, пока это не началось.

— Сию секундочку.

И через мгновение водка и пирожок исчезли во рту у странного посетителя.

— Так, — сказал он удовлетворённо и вдруг снова заторопился, — теперь принесите коньяку и ломтик лимона, только скорей, скорей! Мне нужно успеть, пока не началось это безобразие.

— Пожалуйста... Кушайте на здоровье.

— Ухх! Харроший коньяк! А лимончик так себе... Ну, а теперь тащите ликёру. И яблоч! Да ещё захватите парочку пивка! Только, ради бога, умоляю вас, скорей, пока не начался этот проклятый скандал!

— Не извольте беспокоиться, в момент об-служу. Только мне одно непонятно, гражданин, о каком это безобразии, о каком скандале вы говорите?

— Как о каком? А когда я вам скажу, что мне нечем платить? Ох и шуму будет, крику, ого-го!

Виктор ДРАГУНСКИЙ

ЧИСТОЕ ИСКУССТВО

- Сколько вы даёте за мою картину?
- Сто рублей.
- Да я за холст заплатил двести!
- Так ведь тогда он был чистый.

Театральный ребёнок

БЫЛО это в семье одного известного московского художника. Папа и мама ушли в Дом актёра на встречу Нового года, а маленького Лёшу оставили на попечении старой тётки, недавно приехавшей из Пензы.

После ухода родителей Лёша притащил из кухни пушистую ёлочку, украсил её прошлогодними рецензиями, портретами членов Художественного совета Комитета по делам искусств и какими-то золочёными орешками, о которых папа говорил, что это будто бы настоящие каштаны из Праги.

— Теперь, тётя, давай танцевать,— предложил он, закончив оформление ёлки без эскизов художника.

— Что ты, что ты, Лёшенька!.. Бог с тобой! Ведь я старая!

— Ну, так что? — удивился мальчик. — Вон даже в балете Большого театра танцуют старушки.

— Нет, нет, господь с тобой, деточка! Где уж мне плясать? Боже упаси!

Лёша посмотрел на неё круглыми от изумления глазами:

— А почему, тётя, ты всё время бога поминать? Бога нет.

— Как нет? — испугалась старуха. — А кто же сотворил мир?

— Погодин.

— Какой Погодин?

— Николай Фёдорович. Драматург. Неужели ты не читаешь репертуарные планы московских театров?

Но старушку интересовали не репертуарные планы, а нечто совсем другое.

— И он сотворил мир в семь дней? — спросила она.

— Ишь чего захотела — в семь дней! А переделки? А недоделки? А показы? А оформление? Думаешь, поставить в Малом театре «Сотворение мира» так же просто, как создать сушу, воды, горы, леса, Адама, Еву и Змия?

Тётка ничего не ответила, но по её лицу было видно, что старуха в бога верит больше, чем в Малый театр.

Чтобы замять неприятный разговор, она сказала ласковым педагогическим голоском:

— Давай лучше что-нибудь почитаем, Лёшенька. Хочешь «Тома Сойера», хочешь «Принца и нищего». Кем бы ты хотел быть, мальчик: принцем или нищим?

— Я хотел бы лучше быть «Нищим студентом».

— Что это за студент? — заинтересовалась тётка.

— Опереточный. Этому студенту очень легко живётся в искусстве. Поёт он таким тоненьким тенорком, что в четвёртом ряду партера не слышно, а хвалят его громко, на весь Советский Союз.

— Кто же его хвалит, Лёшенька?

— Должно быть, те критики, которые сидят в пятом ряду. Поскольку им всё равно ничего не слышно...

Старуха немного помолчала, придумывая, чем бы всё-таки занять этого странного ребёнка, и с трудом наскребла в своей памяти две детских игры — в шашки и в жмурки.

Но Лёша обе игры категорически отверг:

— Нет, тётя, давай лучше играть в премьеру, как папа в своём театре играет.

— А что надо делать, Лёшенька?

— Ничего не надо делать. Стань вон у того стула и топай ногами от нетерпения, будто ты публика. А я буду придумывать разные интервью и давать их во все газеты, журналы и отрывные календари.

Тётка тяжело вздохнула. Мальчик оказался из трудных. Поэтому она

решила прибегнуть к тому спасительному средству, к которому обычно прибегают все родители и учителя, когда делается уже невозможность:

— Ну, Лёшенька, пора спать, детка. Бай, бай. Иди, милый, в постельку, а я тебе сказку расскажу...

— Обманешь! — ответил опытный мальчик. — Взрослые всегда обманывают ребят. Вон Художественный театр три года обещает рассказать сказку Маршака «Двенадцать месяцев».

— Честное слово, расскажу, Лёшенька! — клялась тётка. — Хочешь про Золушку?

— Про «Золушку» я читал статью Потапова в «Литературной газете» и теперь уже совсем ничего не понимаю...

Но старуха упорно продолжала гнуть свою линию:

— Пойдём в постельку, маленький. Уже одиннадцатый час. Пора бай-бай. Ты же умница, ты же славенький, ты же послушный...

Мальчик поморщился:

— Мы же не на заседании Художественного совета, тётя. Зачем эти преувеличенные похвалы? Не надо всё превращать в какое-то «общество взаимного восхищения».

Но, увидев, как вытянулось огорчённое лицо тётки, добавил более мягким тоном:

— Ты, кажется, с мамой ходила в какой-то театр? Куда? Расскажи мне. Это любопытно.

— В оперетту ходила, — обрадовалась старушка, — очень мило зевали там на «Морском узле».

— Ну какая же это оперетта — «Морской узел!» — пренебрежительно заметил Лёша, делая гримаску.

— Как не оперетта? Оперетта! Так и написано в программе: «Оперетта».

— Мало ли что написано! Ты когда-нибудь пила безалкогольное пиво? На этикетке — пиво, по запаху — пиво, по цвету — пиво, по вкусу — будто бы пиво, а по действию — самый что ни на есть лимонад.

Тётка тяжело вздохнула, так как считала своим старушечьим долгом вздыхать всегда, когда речь шла о каких-либо стихийных бедствиях: об эпидемиях, градобитии, падеже скота и провалах спектаклей.

— А ведь после второго акта занавес всё-таки подняли, Лёшенька, и актёры стали хлопать, чтобы режиссёр вышел. Зачем же они его вызывали?

— Чтобы публика видела, кто виноват.

— И режиссёр тоже стал в ладоши хлопать, — сообщила старушка.

— Не захотел один за всё отвечать. Пусть и композитор выходит: музыку же он писал. Пусть и автор выходит, раз деньги получил. Наверно, когда на сцене стояли, все друг на друга показывали?

— Показывали.

Лёша понимающе усмехнулся:

— Валили, значит, друг на дружку. Это у них принято.

— А потом ещё дирижёра и художника выгнали, — сказала тётка, довольная тем, что, наконец, нашла, чем занять мальчика. — Дирижёра так тащили, что я думала, руку его вывихнут.

— Ну, их только за соучастие, — успокоил её Лёша.

Часы пробили одиннадцать. Театральный ребёнок встал со стула, потянулся, сорвал с ёлки два ореха и объявил:

— А то, пожалуй, действительно пора спать. Не буду ждать Нового года. У меня завтра утром творческая встреча с Вовкой. Придётся его отлупить, чтобы не задавался.

И, протянув руку обрадованной тётке, мальчик позволил увести себя в спальню.

Евг. БЕРМОНТ

НОВОГОДНИЙ ПЕЙЗАЖ

Рис. Г. Валька

Городской.

Дачный.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. в 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва.

Изд. № 857.

Подп. к печати 24/XII 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А 23081.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2773.

Тираж 123.300.

С Ч А С Т Л И В О О С Т А В А Т Ь С Я !

На платформе оживленье:
Уезжает Старый год.
Пожеланья, поздравленья
И людей круговорот.

ВОЕННЫЙ:

— Я военный. Штатским вскоре я буду снова.
Кончесь бой.

Захватите для истории два автографа с собой.

СТАХАНОВЕЦ:

— В день, когда вы к нам явились,
Был у вас военный «виллис»,
А для проводов сейчас
«Зис-110» есть у нас.

АКАДЕМИК КАПИЦА:

— Пожмём Сорок пятому дружески руку,
И впредь, в наступающем Новом году,
Заставим служить беззавестно труду,
Победе служившую с честью, науку.

АКАДЕМИК БУРДЕНКО:

— Тост мой хорош, гарантирую я,
Хоть и не новый:

Выпьем за ваше здоровье, друзья,
Будем здоровы!

КОМПОЗИТОР ПРОКОФЬЕВ:

— Под Новый год, как подобает,
Вас милой сказкой провожают.
И я вам, добрый Дед Мороз,
На память Золушку принёс.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА:

— За ратные мои труды
Вы мне вручили две звезды,
За мир стояли мы горой,
И я герой и вы герой.

ЯКУШИН (тренер команды «Динамо»):

— От московского «Динамо»
После лондонских побед
Всей командой скажем прямо:
Старый год, физкультпривет!

КИНОРЕЖИССЕР ЭН:

— Куда вы торопитесь, мой дорогой!
Какая для сешки причина?

Когда б задержались вы годик—другой,
Была бы готова картина.

ВОТВИННИК:

— К потоку тысяч пожеланий
Не знаю, что прибавить мне.
Ведь после всех соревнований
Я, как и прежде, на коне.

НЕКИЙ ХОЗЯЙСТВЕННИК:

Куда, куда ты, мой родной!
Не уходи, побудь со мной!

АРТИСТКА ЭСТРАДЫ:

— Репертуар у нас — всему начало.
Я мнение эстрады выражаю:
И с тем же самым, с чем тебя встречала,
Сегодня я тебя и провожаю.

Толпа. К вагону не пройти.
Кричат: «Счастливого пути!»
К вагону не прорваться.
А Старый год кричит в ответ:
«Желаю счастья! Мой привет!
Счастливо оставаться!»

М. СЛОБОДСКОЙ